

Глава 15. Пятнадцатый день стрима: Визит вежливости (и дегустация за чужой счёт)

Е Фань, нежданно-негаданно напросившийся к Лу Цзиньчуаню на дегустацию крошечных вонтонов, не скупился на похвалу. Ради такого дела он даже отбросил свой привычный имидж невозмутимого крутого парня — молчаливого и загадочного — и рассыпался в восторгах по поводу кулинарного таланта хозяина.

— Хочешь ещё тарелочку рыбного бульона? — предложил Лу Цзиньчуань, окончательно размякший от комплиментов. — Он на диком карасе, а мясо, если чуть макнуть в соевый соус, получается удивительно нежным.

Бульон томился на медленном огне и, в отличие от того, что шел к вонтонам, был куда гуще и наваристее. Как только Лу Цзиньчуань поднял крышку, в воздух взметнулось облако ароматного пара. Он налил гостю полную миску и, метнувшись на кухню, вернулся с бутылочкой свежего соевого соуса.

Этот соус Лу Цзиньчуань готовил сам. Магазинные варианты его давно разочаровали: в них не осталось той самой соленой свежести, а разница между светлыми и темными сортами и вовсе стерлась. Для человека, обожающего насыщенные вкусы, это было неприемлемо, так что он просто засучил рукава и взялся за дело.

В старые времена секреты приготовления соуса оберегались не хуже военных тайн и передавались мастерами из рук в руки, от поколения к поколению. Над одной кадкой обычно колдовали сразу несколько умельцев, строго следя за процессом — совсем не то, что нынешнее поточное производство, где всё за людей делают машины.

Мастерство Цзиньчуаня было подлинным. Стоило лишь откупорить бутылку, как наружу вырывался мощный, густой аромат ферментированных бобов. Если сосуд слегка встряхнуть, на поверхности тут же вскипала шапка мелких пузырьков. Дешевый суррогат из супермаркета на такое не способен: пара жалких пузырьков, исчезающих в мгновение ока, и горьковатое, плоское послевкусие. С домашним шедевром Лу Цзиньчуаня это не шло ни в какое сравнение.

— Мясо карася нужно лишь слегка касаться соусом. Попробуй, — посоветовал Лу.

— По одному только запаху ясно, что вещь редкая. Сам выдерживал? — спросил Е Фань.

Он подцепил палочками кусочек нежного рыбного брюшка и окунул его в соус. Белоснежная мякоть, едва коснувшись языка, буквально растаяла, разливаясь сладостью, которую домашняя заправка Цзиньчуаня подчеркнула и довела до совершенства.

Видя, как гость прищурился от удовольствия, Лу довольно улыбнулся.

— Ну как?

— Идеально подходит для продуктов с деликатным вкусом, — ответил Е Фань. — Безумно вкусно. Можно еще немного?

— Конечно! Для ценителя мне ничего не жалко.

Лу Цзиньчуань забрал пустую миску, вернулся на кухню и вскоре принес еще две порции — себе и гостю. Усевшись рядом, он заметил:

— Я живу один, и вечно получается приготовить больше, чем нужно. Трудно рассчитать на одного. Когда переедешь, заглядывай ко мне на обеды. Будем кооперироваться, как мы с Линь Дуном.

Глаза Е Фаня на миг вспыхнули азартом, но вторая часть фразы вызвала у него странное, труднообъяснимое раздражение.

"Как этот рыжий кот?!"

"С какой стати я должен уподобляться этому коту?!"

— А может, лучше у меня? — ляпнул он прежде, чем успел подумать.

Лу Цзиньчуань удивленно вскинул брови. Не слишком ли по-свойски для первого дня знакомства?

Е Фань и сам понял, что перегнул палку, и поспешно добавил, стараясь придать голосу уверенности:

— С меня — место и уборка. Негоже мне объедать тебя, да еще и заставлять потом драить кухню.

Лу Цзиньчуань хмыкнул.

— Понятно. Тогда делай как Линь Дун: приноси продукты в качестве платы за постой у плиты.

Снова этот кот...

Е Фань помрачнел. Ничего не поделаешь — у этого прохвоста было преимущество первопроходца. Как там говорят? "Близость к кухне — залог успеха".

Ему оставалось только угрюмо кивнуть в знак согласия.

В этот момент два его робота-грузчика, которые умудрились при переезде свернуть водопроводную трубу, стали казаться ему еще более бесполезными и раздражающими.

Умяв порцию вонтонов и две миски рыбного супа, Е Фань счел, что задерживаться до обеда будет верхом наглости. Поднявшись, чтобы откланяться, он на прощание бросил:

— Если надумаешь открывать свое заведение, обращайся, помогу чем смогу.

Он знал, что многие успешные фуд-блогеры со временем уходят в реальный бизнес, и не сомневался, что Лу Цзиньчуаня ждет та же стезя. Это был отличный повод предложить свои услуги и укрепить связь.

Однако он забыл, что для Лу он — всего лишь новый сосед, с которым тот едва знаком. Вежливо отклонив предложение, Цзиньчуань выпроводил гостя и наконец-то остался в одиночестве.

Вторая половина дня выдалась ленивой. Лу устроился на балконе с книгой. Пользуясь тем, что этаж был высокий, а стекла — зеркальными, он сбросил человеческую оболочку и вернулся в истинное обличье. Развалившись на солнце, он лениво перелистывал страницы огромной мохнатой лапой.

Вообще-то, обычные панды не жалуют прямые солнечные лучи, предпочитая прохладу и влажные бамбуковые заросли. Но Лу Цзиньчуань прожил на этом свете пять тысяч лет и имел полное право на маленькие капризы — например, на любовь к солнечным ваннам.

К тому же, принимать их в облике панды было несравненным удовольствием.

Лу развалился на огромном черно-белом пуфе так удачно, что со стороны казался его продолжением. Солнце пропекало густую шерсть, делая её сухой и удивительно теплой. Белый мех на коротком хвосте-шарике распушился, и он стал похож на облако — так и хотелось запустить в него руку.

Под ласковыми лучами морда панды приобрела совершенно отсутствующее, сонное выражение. Лу перевернулся на спину, придавив учебные пособия лапой, потянулся всем своим массивным телом, облизнулся и сладко зевнул.

"А я ведь сам прилежен..."

Лу Цзиньчуань рассеянно поскреб когтями стопку материалов для подготовки к экзамену. В голове мелькнула мысль о сородичах: те дрыхли по восемнадцать часов в сутки, а он тут, видите ли, работает, деньги на жизнь зарабатывает, да еще и к тестам готовится... Пора и честь знать.

Найдя себе достойное оправдание, Лу мгновенно провалился в сон, оглашая балкон мерным храпом.

Упитанная панда, когда ложится на спину, подозрительно напоминает гигантскую меховую лепешку.

Со стороны Лу Цзиньчуань выглядел воплощением безобидности — любой прохожий, доведись ему это увидеть, наверняка захотел бы уткнуться в этот мягкий живот. Но стоило присмотреться к когтям, которые в свете заходящего солнца отливали холодным стальным блеском, как желание "обнимашек" мгновенно испарилось бы.

Эти когти, острые как скальпели, были созданы совсем не для нежностей.

И хотя страницы учебников теперь делали не из древесной массы, а из сложных химических соединений, они всё равно не выдержали испытания. Пока Лу спал, его лапы совершали произвольные загибающие движения.

Когда он наконец проснулся, солнце уже скрылось за горизонтом. Лу взглянул на свои учебные материалы и обнаружил, что те превратились в груды жалких ошметков и конфетти.

Панда замерла в немом созерцании.

"Честно говоря, я и сам не подозревал, насколько сильно ненавижу эту макулатуру".

<http://bllate.org/book/17431/1663882>